

Петр III и переворот 1762 года

Петр Федорович и Екатерина Алексеевна.

В 1742 г. Елизавета объявила наследником своего племянника, родного внука Петра Великого (и внука сестры Карла XII шведского) герцога Шлезвиг-Голштинского Карла-Петра-Ульриха. Для русских людей он был таким же немецким принцем, как и те, от которых в 1741 г. освободилось русское общество и которые ему были так постылы. Этот свой выбор или, лучше сказать, необходимость этого выбора Елизавета скоро стала считать серьезным несчастьем. Четырнадцатилетний осиротелый герцог был перевезен из Голштинии в Россию, нашел в Елизавете вторую мать, принял православие и вместо немецкого воспитания стал получать русское. В 1745 г. его поспешили женить. Вопрос о невесте очень долго обсуждался при дворе, потому что браку придавали политическое значение и боялись ошибиться. Наконец Елизавета остановилась на том лице, на которое указала, в противность Бестужеву, французско-прусская партия, на которое указал и Фридрих прусский, – на принцессе Софии-Августе-Фредерике Ангальт-Цербст[ской]. Ее отец был только генералом прусской службы, комендантом Штетина; мать в заботах о довольно бедном хозяйстве успела потерять чувство такта и хороший характер, приобретя склонность к стяжаниям и пересудам. Невеста с матерью приехала в Россию, приняла православие и была названа Екатериной Алексеевной; 25 августа 1745 г. произошла свадьба 17-летнего Петра с 16-летней Екатериной. Но все замечали, что жених был холоден к невесте и прямо ссорился с будущей тещей. Впрочем, мать Екатерины проявила свой неуживчивый характер по отношению ко всем и потому была отправлена из России в том же 1745 г. Молодая чета осталась как бы одинокой в большом елизаветинском дворце, будучи оторвана от немецкой среды, от обстановки своего детства. И мужу, и жене приходилось самим определять свою личность и свои отношения при дворе.

Петр Федорович был человеком слабоодаренным и физическими силами, и умственными, рано лишился матери и отца и остался на руках гофмаршала Брюммера, который был более солдат, чем образованный человек, более конюх, чем педагог. Детство Петра прошло так, что ничем добрым его нельзя было вспомнить. Его воспитание было запущено, как и его образование. Брюммер установил такой порядок жизни для своего воспитанника, который не мог не расстраивать его здоровья, и без того слабого: например, при продолжительных занятиях мальчик не имел моциона и не ел до двух часов дня. А в час обеда владетельный герцог часто лишь смотрел из угла, как его дворня ела обед, в котором ему самом было отказано педагогами. Плохо питая мальчика, ему не позволяли развиваться, почему он и стал вялым и слабым. Нравственное воспитание было пренебрежено: стояние на коленях на горохе, украшение ослиными ушами, удары хлыста и даже битье чем попало были обыкновенным средством педагогического убеждения. Ряд нравственных унижений перед придворными, грубых окриков Брюммера и его наглых выходок не мог, конечно, выработать в принце ни здравых нравственных понятий, ни чувства человеческого достоинства. Умственное воспитание тоже было плохо. Петр изучал много языков, много предметов, но учили его через силу, не сообразуясь с его слабыми способностями, и он мало усвоил и получил отвращение к учению. Латынь же, которая в то время была обязательна для каждого образованного человека, ему надоела до того, что он запретил помещать в свою библиотеку в Петербурге латинские книги. Когда он явился в Россию и Елизавета познакомилась с ним, она удивилась скудости его познаний. Его принялись снова учить, уже на православный русский лад. Но науке помешали болезни Петра (в 1743-1745 гг. он три раза был

серьезно болен), а затем женитьба. Выучив православный катехизис наскоро, Петр остался с воззрениями немца-протестанта. Знакомясь с Россией из уроков академика Штелина, Петр не интересовался ею, скучал уроками и оставался весьма невежественным и неразвитым человеком с немецкими взглядами и привычками. Россию он не любил и думал суеверно, что ему в России несдобровать. Его интересовали одни «увеселения»: он любил танцевать, по-детски шалить и играть в солдаты. Военное дело его интересовало в высшей степени, но он не изучал его, а забавлялся им и, как немец, благоговел перед королем Фридрихом, которому хотел подражать всегда и во всем и не умел никогда ни в чем.

Женитьба не образумила его и не могла образумить потому, что он не чувствовал своих странностей и был очень хорошего мнения о самом себе. На жену, которая была неизмеримо выше его, он смотрел свысока. Так как учить его перестали, то он считал себя взрослым человеком и, разумеется, не хотел поучиться у жены ни ее такту, ни ее сдержанности, ни, наконец, ее деловитости. Дел он не хотел знать, напротив, расширил репертуар забав и странных выходок: то по целым часам хлопал по комнатам кучерским кнутом, то безуспешно упражнялся на скрипке, то собирал дворцовых лакеев и играл с ними в солдаты, то производил смотры игрушечным солдатикам, устраивал игрушечные крепости, разводил караулы и проделывал игрушечные военные упражнения; а раз, на восьмом году своей женитьбы, судил по военным законам и повесил крысу, съевшую его крахмального солдата. Все это проделывалось с серьезным интересом, и по всему было видно, что эти игры в солдатики чрезвычайно его занимали. Жену свою он будил по ночам для того, чтобы она ела с ним устрицы или становилась на часы у его кабинета. Ей он подробно описывал красоту увлекшей его женщины и требовал внимания к такой оскорбительной для нее беседе. Бестактно относясь к Екатерине и оскорбляя ее, он не имел такта и в отношении посторонних лиц и позволял себе разные пошлости: например, в церкви во время службы, за спиной тетки, он передразнивал священников, а когда на него смотрели фрейлины, он показывал им язык, но так, чтобы тетка этого не видела: своей тетки он все-таки очень боялся. Сидя за столом, он издевался над прислугой, обливал ей платья, подталкивал блюда на соседей и старался поскорее напиться. Так вел себя наследник престола, взрослый человек и отец семейства (в 1754 г. у него родился сын Павел). «Петр обнаруживал все признаки остановившегося духовного развития, – говорит С. М. Соловьев, – он являлся взрослым ребенком». Императрица Елизавета понимала свойства Петра и часто плакала, беспокоясь за будущее, но изменить порядок престолонаследия не решалась, потому что Петр III был прямым потомком Петра Великого.

Не теряли, однако, надежды приохотить и приучить Петра к делам. Штелин продолжал его знакомить с государственными делами теоретически, а в 1756 г. Петра назначили членом Конференции, учрежденной, как мы видели, для особо важных дел. В то же время в качестве герцога голштинского Петр каждую неделю «в понедельник и пятницу со своими голштинскими министрами совет держал и дела своего герцогства управлял». Все эти заботы имели кое-какой результат. Петр заинтересовался делами, но не России, а Голштинии. Вряд ли он хорошо их узнал, но он усвоил голштинские взгляды, желая отвоевать у Дании голштинские земли и очень возился с голштинскими солдатами и офицерами, которых ему дозволено было с 1755 г. привезти в Россию. С ними летом он жил в лагерях в Ораниенбауме, усвоил себе их солдатские манеры и фатовство, у них выучился курить, пить по-солдатски и мечтать о голштинских завоеваниях.

Определилось с течением времени и отношение Петра к России и русским делам. Он говорил своей жене, что «не рожден для России, что он непригоден русским и русские непригодны ему и убежден он, что погибнет в России». Когда освободился шведский престол и Петр не мог его занять, хотя имел право, он со

злостью говорил вслух: «Затащили меня в эту проклятую Россию, где я должен считать себя государственным арестантом, тогда как, если бы оставили меня на воле, то теперь я сидел бы на престоле цивилизованного народа». Когда Петр присутствовал на Конференции, он подавал свои мнения и в них обнаруживал полное незнание с политическим положением России; о русских интересах рассуждал он с точки зрения своей любви к прусскому королю. Так, незнание России, презрение к ней, стремление уйти из нее, голштинские симпатии и отсутствие зрелой личности отличали будущего русского императора. Канцлер Бестужев серьезно думал о том, чтобы или совсем устранить Петра от власти, или оградить иным путем от его влияния интересы России.

Совсем иного рода человек была жена Петра, великая княгиня Екатерина Алексеевна. Выросши в скромной семье незначительного принца, строгого протестанта и отца, Екатерина получила некоторое образование, увеличенное собственной ее наблюдательностью и восприимчивостью. В детстве она много путешествовала по Германии, много видела и слышала. Уже тогда она своей живостью и способностями обращала на себя внимание наблюдательных лиц: в Брауншвейге один каноник, занимавшийся предсказаниями, заметил ее матери: «На лбу вашей дочери я вижу по крайней мере три короны». Когда Екатерину с матерью вызвали в Россию, для нее не была секретом цель поездки, и бойкая девочка сумела с большим тактом сделать свои первые шаги при русском дворе. Отец ее написал ей в руководство ряд правил благоразумной сдержанности и скромности. Екатерина к этим правилам присоединила свой собственный такт и замечательное практическое чутье и обворожила Елизавету, завоевала симпатии двора, а затем и народа. Не старше 15-ти лет, она вела себя лучше и умнее, чем ее руководительница мать. Когда мать ссорилась и сплетничала, дочь старалась приобрести общее расположение. Она усердно занялась русским языком и православным вероучением. Блестящие способности позволили ей оказать в короткое время большие успехи, и при церемонии крещения она так твердо прочла символ веры, что всех этим удивила. Но сохранились известия, что перемена религии для Екатерины была не так легка и радостна, как она показывала императрице и двору. В благочестивом смущении перед этим шагом Екатерина много плакала и, говорят, искала утешения у лютеранского пастора. Однако уроки православного законоучителя от этого не прекращались. «Честолюбие берет свое», – замечал по этому поводу один дипломат. И сама Екатерина признавалась, что она была честолюбива.

Не любя ни мужа, ни Елизаветы, Екатерина тем не менее держала себя в отношении их очень хорошо. Она старалась исправлять и покрывать все выходки мужа и не жаловалась на него никому. К Елизавете же она относилась почтительно и как бы искала ее одобрения. В придворной среде она искала популярности, находя для каждого ласковое слово, стараясь примениться к нравам двора, стараясь казаться чисто русской набожной женщиной. В то время, когда ее муж оставался голштинцем и презирал русских, Екатерина желала перестать быть немкой и отказалась после смерти родителей от всяких прав на свой Ангальт-Цербст. Ее ум и практическая осмотрительность заставляли окружающих видеть в ней большую силу, предугадывать за ней большое придворное влияние. И действительно, с годами Екатерина заняла при дворе видное положение; ее знали с хорошей стороны даже в народной массе. Для всех она стала виднее и симпатичнее своего мужа.

Но личная жизнь Екатерины была незавидна. Поставленная далеко от дел и оставляемая на целые дни мужем, Екатерина не знала, что делать, потому что совсем не имела общества: она не могла сблизиться с придворными дамами, потому что «смела видеть перед собою только горничных», по ее собственным словам; она не могла сблизиться с кругом придворных мужчин, потому что это было неудобно. Оставалось читать, и «чтение» Екатерины продолжалось восемь первых лет ее

супружеской жизни. Сперва она читала романы: случайный разговор с знакомым ей еще в Германии шведским графом Гилленборгом направил ее внимание на серьезные книги. Она перечитала много исторических сочинений, путешествий, классиков и, наконец, замечательных писателей французской философии и публицистической литературы XVIII в. В эти годы она и получила ту массу сведений, которой удивляла современников, тот философский либеральный образ мыслей, который принесла с собой на престол. Она считала себя ученицей Вольтера, поклонялась Монтескье, изучала Энциклопедию и благодаря постоянному напряжению мысли стала исключительным человеком в русском обществе своего времени. Степень ее теоретического развития и образования напоминает нам силу практического развития Петра Великого. И оба они были самоучками.

Во второй половине царствования Елизаветы великая княгиня Екатерина уже была вполне сложившимся и очень заметным человеком при дворе. На нее обращено было большое внимание дипломатов, потому что, как они находят, «ни у кого нет столько твердости и решительности» – качеств, которые ей дают много возможностей в будущем. Екатерина независимее держится, явно не в ладах со своим мужем, навлекает на себя недовольство Елизаветы. Но самые видные «припадочные» люди Елизаветы, Бестужев, Шувалов, Разумовский, теперь не обходят великой княгини вниманием, а стараются, напротив, установить с нею добрые, но осторожные отношения. Сама Екатерина входит в сношения с дипломатами и русскими государственными людьми, следит за ходом дел и даже желает на них влиять. Причиной этого была болезненность Елизаветы: можно было ждать скорой перемены на престоле. Все понимали, что Петр не может быть нормальным правителем и что его жена должна играть при нем большую роль. Понимала это и Елизавета: опасаясь со стороны Екатерины какого-либо шага в свою пользу против Петра, она стала к ней относиться дурно и даже прямо враждебно; с течением времени так же относится к жене сам Петр. Окруженная подозрительностью и враждой и побуждаемая честолюбием, Екатерина понимала опасность своего положения и возможность громадного политического успеха. Об этой возможности говорили ей и другие: один из посланников (пруссский) ручался ей, что она будет императрицей; Шуваловы и Разумовские считали Екатерину претенденткой на престол; Бестужев вместе с ней строил планы о перемене престолонаследия. Екатерина сама должна была готовиться действовать и для своей личной защиты, и для достижения власти после смерти Елизаветы. Она знала, что муж привязан к другой женщине (Елиз. Ром. Воронцовой) и желал заменить ею свою жену, в которой видел опасного для себя человека. И вот, чтобы смерть Елизаветы не застала ее врасплох, не отдала в руки Петра беззащитной, Екатерина стремится приобрести себе политических друзей, образовать свою партию. Она тайно вмешивается в политические и придворные дела, ведет переписку с очень многими видными лицами. Дело Бестужева и Апраксина (1757-1758 гг.) показало Елизавете, как велико было при дворе значение великой княгини Екатерины. Бестужева обвиняли в излишнем почтении перед Екатериной. Апраксин был постоянно под влиянием ее писем. Падение Бестужева было обусловлено его близостью к Екатерине, и самое Екатерину постигла в ту минуту опала императрицы. Она боялась, что ее вышлют из России, и с замечательной ловкостью достигла примирения с Елизаветой. Она стала просить у Елизаветы аудиенции, чтобы выяснить ей дело. И Екатерине была дана эта аудиенция ночью. Во время беседы Екатерины с Елизаветой за ширмами в той же комнате тайно были муж Екатерины Петр и Иван Ив. Шувалов, и Екатерина догадалась об этом. Беседа имела для нее решающее значение. При Елизавете Екатерина стала утверждать, что она ни в чем не виновата, и, чтобы доказать, что ничего не хочет, просила императрицу, чтобы ее отпустили в Германию. Она просила об этом, будучи уверена, что поступят как раз

наоборот. Результатом аудиенции было то, что Екатерина осталась в России, хотя была окружена надзором. Теперь ей приходилось вести игру уже без союзников и помощников, но она продолжала ее вести еще с большей энергией. Если бы Елизавета не умерла так неожиданно скоро, то, вероятно, Петру III не пришлось бы вступить на престол, ибо заговор уже существовал и за Екатериной стояла уже очень сильная партия. С мужем Екатерина примириться не могла, она не могла его выносить; он же видел в ней злую, слишком независимую и враждебную ему женщину. «Нужно раздавить змею», – говорили окружавшие Петра голштинцы, передавая этим выражением мысли его о жене. Во время болезни Екатерины он даже прямо мечтал о ее смерти.

Так, в последние годы Елизаветы обнаружилась полная неспособность ее наследника и большое значение и ум его жены. Вопрос о судьбе престола очень занимал Елизавету; по словам Екатерины, государыня «с трепетом смотрела на смертный час и на то, что после ее происходить может». Но она не решалась отстранить племянника прямо. Придворная среда также понимала, что Петр не может быть правителем государства. Многие задумывались, как устранить Петра, и приходили к различным комбинациям. Устранить было можно, передав права малолетнему Павлу Петровичу, причем мать его Екатерина получила бы большую роль. Можно было бы поставить у власти и прямо Екатерину. Без нее же вопрос не мог быть решен ни в каком случае (о бывшем императоре Иоанне тогда никто и не думал). Поэтому Екатерина и помимо своих личных качеств и стремлений получила большое значение и являлась центром политических комбинаций и знаменем движения против Петра. Можно сказать, что еще до смерти Елизаветы Екатерина стала соперницей своему мужу и между ними начался спор о русской короне.